

ЛИНГВИСТИКА

И.Я. Селютина

Экспериментально-фонетические данные по языкам народов Сибири как историко-лингвистический источник¹

Экспериментально-фонетические исследования языков народов Сибири и сопредельных регионов начались в Новосибирске в 1968 г., когда в Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР его директором акад. А.П. Окладниковым по рекомендации проф. Е.И. Убрятовой был приглашен из Ленинградского Института языкознания В.М. Наделяев — крупный исследователь древних и современных монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, глубокий и тонкий теоретик общего языкознания, выдающийся фонетист-экспериментатор, развивающий идеи и методы своего учителя акад. Л.В. Щербы. За годы работы в ИИФФ СО АН (1968–1985) В.М. Наделяев открыл новое направление в изучении многочисленных языков и территориальных диалектов Сибири и создал сибирскую фонологическую школу.

Основные задачи, стоящие перед Лабораторией экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) — это задачи планомерного изучения всех аспектов звуковых систем, освоения современных инструментальных методов и поиска новых экспериментальных приемов с разработкой соответствующей аппаратуры и инструментария, подготовки высококвалифицированных специалистов для ЛЭФИ и других фонетических лабораторий НИИ и вузов Сибири, обобщения результатов экспериментально-фонетических исследований и ввода их в информационное поле лингвистов.

В процессе интенсивной работы по изучению звуковых систем типологически различных языков и диалектов Сибири и сопредельных регионов и накопления экспериментально-фонетического материала стала возможной постановка **теоретических задач**: усовершенствовать — с привлечением данных звуковых систем других языков мира — артикуляционную классификацию звуков речи, имеющую важное теоретическое и практическое значение для адекватной трактовки конкретных звуков исследуемых языков; создать теорию артикуляционно-акустической базы (ААБ) с выявлением доминирующих фонетических признаков-характеристик, определяющих качественно-количественную индивидуальность каждой ААБ, и на основе теории ААБ отработать типологию артикуляционно-акустических баз; разработать типологическую классификацию фонологических систем языков народов Сибири.

В соответствии с поставленными задачами фонетисты Сибири разрабатывали под руководством В.М. Наделяева и продолжают разрабатывать в настоящее время коллективную многолетнюю тему **«Фонологические системы языков народов Сибири и сопредельных регионов»**. В ЛЭФИ изучены различные аспекты звукового строя более двадцати бесписьменных и младописьменных языков — тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских, обско-угорских,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российской академии наук (6-й конкурс-экспертиза, коллективный грант молодых ученых № 391).

енисейских и палеоазиатских.

Параллельно с изучением звуковых систем языков Сибири в ЛЭФИ создаются новые и совершенствуются традиционные **методы экспериментально-фонетического исследования**. Разработанный В.М. Надеяевым графический *пневмоосциллографический метод* с применением сконструированного в Лаборатории А.Н. Широковым и В.Л. Сметаниным прибора, осуществляющего синхронную запись звуковых сигналов отдельно по каналам носа, рта и горла с фиксацией показаний отметчика времени, позволил производить сегментацию достаточно надежно и объективно [Надеяев, Селютина, 1991].

При обработке данных *соматических* исследований в ЛЭФИ используются усовершенствованные традиционные методики палатографирования и статического рентгенографирования. При палатографировании к оттискам языка на твердом нёбе добавлены оттиски языка на передних верхних зубах, в связи с чем метод был назван *дентопалатографическим*. Для объективного сопоставления дентопалатограмм разных дикторов введена система маркировки искусственного нёба стабильной сеткой из семи точек [Надеяев, 1984]. Уточнения, внесенные в методику расшифровки и анализа данных *рентгенографирования*, позволяют получать полувъёмное изображение органов речевого аппарата на сагиттальной плоскости, дающее более полную информацию. Разработана также методика количественного анализа рентгенограмм [Надеяев, 1980, с. 44-91].

В 1996–2002 г. за счет средств исследовательских грантов Российского гуманитарного научного фонда и Российской академии наук (конкурс молодых ученых) приобретены компьютеры, лазерные принтеры и программное обеспечение, что позволило ЛЭФИ перейти в своих исследованиях на компьютерные методики анализа и обработки экспериментального материала. При этом в компьютерные методики в ЛЭФИ внесены некоторые коррективы, расширяющие аналитические возможности программ. Сконструированная инженером Н.Г. Фоминым приставка позволяет фиксировать речевой сигнал отдельно по двум из трех каналов (горло, рот, нос), что дает возможность более точной сегментации звука и повышает корректность интерпретации полученных экспериментальных данных.

Кадровая ситуация. Лаборатория экспериментально-фонетических исследований как ведущая лаборатория головного гуманитарного Института Сибири, координирующая и курирующая фонетические исследования языков Сибири и сопредельных регионов, никогда не имела укомплектованного штатного расписания. Кроме В.М. Надеяева, в различные годы в ЛЭФИ работали научные сотрудники И.Д. Бураев (ныне д. филол. н., Улан-Удэ), И.Я. Селютина, А.Р. Бадмаев, но никогда в штате ЛЭФИ не было больше трех единиц. Широкомасштабное изучение фонетики сибирских языков осуществлялось путем вовлечения в исследовательский процесс, с одной стороны, специалистов из различных НИИ и вузов Сибири, с другой стороны, — аспирантов, стажеров, соискателей, студентов, проходивших обучение при ЛЭФИ.

В Лаборатории всегда уделялось большое внимание воспитанию высококвалифицированных кадров фонетистов-экспериментаторов, за годы ее существования подготовлено и находятся в стадии разработки около шестидесяти кандидатских диссертаций, посвященных различным аспектам звукового строя сибирских языков, в том числе **тюркских: алтайского** — работы М.Ч. Чумакаевой (литературный язык), К.В. Меркурьева, Н.В. Гаврилина, Ф.А. Кима (диалект бачатских телеутов), О.Ф. Герцог, С.И. Машталира (теленгитский диалект), А.А. Шалдановой (онгудайский диалект), И.Я. Селютиной (кумандинский диалект), Н.А. Мандровой (Кирсановой), В.Н. Кокорина (чалканский диалект), Г.А. Петькина, С.Б. Сарбашевой (туба-диалект); **шорского** (мрасский диалект) — работы Н.В. Шавловой, Н.Б. Поспеловой, И.П. Бородкиной, Н.С. Уртегешева;

хакасского — исследования Д.И. Чанкова, К.Н. Бурнаковой, Г.В. Кыштымовой, А.В. Кабанова, В.В. Субраковой (сагайский и качинский диалекты), К.Ф. Родионовой (шорский диалект); *чулымско-тюркского* — Р.М. Бирюкович; языка *барабинских татар* — Т.Р. Рыжиковой; *тувинского* — работы С.Ф. Сегленмей, К.А. Бичелдея, А.Д. Тяпкина (литературный язык), И.Д. Дамбыра (Каа-Хемский говор), С.В. Монгуш (Кечил-оол) (Сүт-Хельский говор центрального диалекта); *тофского* — исследования В.М. Наделяева, В.И. Рассадина; *долганского* — Н.П. Бельтюковой, Т.М. Кошеверовой; *якутского* — И.Е. Алексеева; *турецкого* (восточный говор восточного диалекта (Казахстан)) — М.П. Ибрагимова; **монгольских:** *бурятского* — работы Э.И. Бюраевой (Коняевой), С.П. Соктоевой (Маккуойд), Б.Ж. Будаева, В.М. Мохосоевой (хоринский диалект), А.Р. Бадмаева (цонгольский диалект); *калмыцкого* — П.Ц. Биткеева; *халха-монгольского* — разработки В.М. Наделяева, Ц. Шагдарсурена, Ж. Цолоо (оба из МНР); **тунгусо-маньчжурских:** *эвенкийского* — работы Т.Е. Андреевой (томмотский говор), М.Д. Симонова (баунтовский говор), Г.В. Гулимовой-Мельниковой (полигусовский говор); *нанайского* — Г.Л. Радченко (найхинский диалект); **самодийских:** *энецкого* — диссертации Я.А. Глухий, В.А. Сусекова (диалект бай); *ненецкого* — Я.Н. Поповой (лесное наречие); *нганасанского* — А.К. Столяровой, Б.А. Седельникова (авамский говор); *селькупского* — А.И. Кузьминой; **обско-угорских:** *хантыйского* — исследования Л.А. Верте, Г.Г. Куркиной (казымский диалект); *мансийского* — работы Ю.А. Тамбовцева; **енисейских:** *кетского* — диссертация Б.Б. Феера (пакулихинский говор); **палеоазиатских:** *юкагирского* — исследования А.Б. Ключевского (верхнеколымский диалект), И.О. Туркина (тундренный диалект); А.К. Халдожаниди выполнила диссертационное исследование на материале русского языка по теме: «Интонационные показатели тематической организации высказывания». П.Ц. Биткеев, Р.М. Бирюкович, И.Д. Бураев, В.И. Рассадин, И.Е. Алексеев, И.Я. Селютина, К.А. Бичелдей, К.Н. Бурнакова (Бичелдей) защитили докторские диссертации.

Публикации. Результаты экспериментально-фонетических исследований языков и диалектов Сибири и сопредельных регионов обобщены в двадцати опубликованных и пятнадцати подготовленных к печати монографиях, а также в многочисленных (более шестисот) статьях, вышедших в девятнадцати сборниках ЛЭФИ и в других изданиях (списки опубликованных монографий, сборников, авторефератов диссертаций, а также научных статей, выполненных в ЛЭФИ, см. на сайте ИФЛ СО РАН: <http://philology.nsc.ru/>).

Экспериментально-фонетические исследования языков народов Сибири: некоторые теоретические результаты. Фронтальное изучение звуковых систем языков различных семей, выполняемое на большом инструментальном материале в русле единой теоретической концепции и по единой методике, разработанной основателем сибирской фонологической школы В.М. Наделяевым, позволило коллективу исследователей решить ряд вопросов, важных для общей, экспериментальной и сравнительно-исторической фонетики.

Уточнены принципы *научной классификации гласных и согласных звуков*. Так, в основу *классификационной таблицы гласных* взят предложенный Д. Джоунзом, уточненный академиком Л.В. Щербой и наиболее адекватно отражающий предмет исследования принцип трапециевидного построения таблицы, учитывающей, наподобие таблицы химических элементов Д.И. Менделеева, все возможности речевого аппарата. Однако, в отличие от Л.В. Щербы, строившего таблицу по *координатному* принципу, В.М. Наделяев положил в основу построения *векторный* принцип, при котором одновременно учитывается направленность движения активной части языка и мера продвижения ее по этому направлению. В результате предложенная классификация приобрела вид неправильной выгнутой

трапеции, внутри которой размещены все фонические группы основных оттенков гласных фонем [Наделяев, 1980]. Описания вокалических систем в русле предложенной концепции выполнены в ЛЭФИ для тофского [Рассадин, 1971], чалканского [Кокорин, 1982], кумандинского [Селютина, 1998; 2000], тубинского [Сарбашева, 2002], теленгитского [Машталир, 1983; 1984], бачатско-телеутского [Гаврилин, 1987], хакаского (сагайский и качинский диалекты) [Кыштымова, 1990; 2001], чулымско-тюркского [Бирюкович, 1979], восточного диалекта турецкого [Ибрагимов, 1991], монгольского [Наделяев, 1957; 1985], бурятского [Атлас звуков бурятского языка, 1975], калмыцкого [Биткеев, 1980], энецкого [Сусеков, 1978], ненецкого [Попова, 1975; 1978], хантыйского [Куркина, 1982; 2000], мансийского [Тамбовцев, 1980], эвенкийского [Гулимова, 1982], кетского [Феер, 1983; 1998], юкагирского [Туркин, 1984] языков и диалектов.

Результаты экспериментального исследования монгольского, бурятского и ряда тюркских языков подтвердили на практике существование *центрального ряда* гласных, предсказанного Л.В. Щербой теоретически. Объективные данные по вокализму турецкого (восточный диалект), монгольского и других языков позволили установить новый, неизвестный в общей фонетике, ряд звуков — *центральнозадний*, имеющий все шесть ступеней подъема. Внесены уточнения в градацию ступеней подъема гласных *смешанного ряда*: Л.В. Щерба, основываясь на языковом материале европейских языков, предусмотрел теоретически четыре возможные ступени подъема, в то время как полученный в ЛЭФИ инструментальный материал по сибирским языкам позволил выделить гласные смешанного ряда всех шести ступеней подъема.

Внесены коррективы и в *артикуляционную классификацию согласных* звуков, отработанную акад. Л.В. Щербой. Выделены дополнительные классы согласных (межзвонные, мягконебные, надгортанные, корнеязычные), уточнены группы сложных согласных, введена в качестве обязательной характеристика консонантов по пассивным речевым органам.

Активно разрабатывается в ЛЭФИ теория артикуляционных баз. По В.М. Наделяеву, *артикуляционно-акустическая база* (ААБ) — это система произносительных навыков с их акустическими эффектами, исторически слагающаяся на самых ранних этапах формирования конкретного этноса, а не языка. В процессе исторического развития этническая группа может последовательно переходить на другие языки в результате разнообразных контактов с другими этносами, вплоть до полного слияния с ними. Но если данная этническая общность все же осталась компактной, не рассеялась территориально, то она сохраняет в существенных чертах свою артикуляционно-акустическую базу, что объясняется относительной автономностью звуковой системы в языке. При этом ААБ, изначально свойственная данному этносу, при переходе его на другой язык принципиально меняет звуковую систему каждого усвоенного данной этнической общностью нового для нее языка. То есть этнос, усвоив новый язык, но сохранив свою ААБ, создает новый диалект этого языка с новым звучанием. Вот почему диалекты в большей мере различаются фонетически, а не лексически. ААБ — это динамический стереотип, который, видоизменяясь, передается, тем не менее, из поколения в поколение в своих основных доминантных признаках.

Эта особенность закрепления ААБ у носителей языка позволяет использовать ее — в совокупности с данными других дисциплин — в качестве источника при построении языковой ретроспективы и решении проблем этногенеза, что особо важно для истории народов Сибири, не оставивших письменных памятников. Наиболее надежным и информативным историко-лингвистическим источником является ААБ этносов, проживающих в горах или в глухой тайге, т.е. в условиях относительной географической изоляции народов, замкнутого ведения хозяйства и, следовательно, относительной консервации языков, сохранивших в своих зву-

ковых системах древнейшие черты. ААБ — явление социальное, а не биологическое, обусловлено средой, а не особенностями речевого аппарата представителей этноса [Наделяев, 1980; 1981; 1986 а].

Использование артикуляционно-акустической базы в качестве историко-лингвистического источника позволило выдвинуть и обосновать ряд гипотез по этногенезу народов Сибири и сопредельных регионов; большая роль в этих построениях отводится субстратному воздействию.

1. Фонетические, а также морфологические и лексические данные свидетельствуют — вопреки широко распространенной «алтайской» теории о генетическом родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков — о существовании в регионе южного Прибайкалья и Забайкалья очень древнего *лингвистического союза*, обусловленного доалтайским субстратом. Внутри него выделяется группа языков *циркумбайкальского* ареала как более новое образование (I–XII вв. н.э.), сложившееся в результате длительных, хотя и одновременных контактов части языков «алтайской» группы. Важным грамматическим признаком циркумбайкальского языкового союза В.М. Наделяев считал наличие местоимений (по терминологии В.М. Наделяева — *местословий*), соотнесенных с глаголами (напр., тофское *каньджа?* ‘как делать?’, *чоон?* ‘что делать?’), и последовательную спрягаемость зависимых предикатов. Внутри циркумбайкальского ареала выделяется: а) *байкало-саянский* подсоюз языков, в которых проявляется как субстратное наследие фонетический признак фарингализации гласных; в современных языках этот признак реализуется либо как фонематический (тувинский язык), либо как комбинаторный аллофонный признак гласных фонем (тофский язык [Наделяев, 1969]), либо как общий фон настройки гласных (алтайский); б) *саяно-алтайский* подсоюз с характерными для него системами согласных, обусловленными субстратом угро-самодийского типа, и губной гармонией широких гласных в пределах монотематических словоформ, сложившейся за счет контакта с одним общим субстратом, характеризовавшимся последовательной лабиализацией широких гласных [Наделяев, 1986 б].

2. Инструментальное исследование артикуляторных навыков, свойственных носителям современного монгольского языка, дало основание предположить, что *монголы центральных аймаков МНР* — *тюрки* по происхождению: артикуляционно-акустическая база современных халха-монголов — преобразованная (не ранее XI в.) ААБ древних тюрков с тройным противопоставлением согласных звуков по степени мускульного напряжения речевого аппарата: *сильные / слабые / сверхслабые*.

3. Учет артикуляционно-базовых признаков позволил В.М. Наделяеву, занимавшемуся в течение ряда лет дешифровкой киданьской письменности [Стариков, Наделяев, 1964] и располагавшему достаточной информацией об особенностях этого древнего монгольского языка, обосновать гипотезу о *киданьской монголизации якутского языка* (в XI–XII в.). Еще С. Калужинский, крупный польский тюрколог, написавший специальную работу о монгольских элементах в якутском языке, сделал вывод, что монголизмы в якутском либо принадлежат какому-то неизвестному монгольскому языку, либо заимствованы в разное время из разных монгольских языков. Этот неизвестный монгольский язык был определен В.М. Наделяевым как язык киданей.

4. *Фарингализация* в восточных диалектах *эвенского языка*, а также в корякском объясняется тем, что эвены как этнос мигрировали в IX–X в. из байкало-енисейского региона на северо-восток, усвоив в ходе миграции новый для себя тунгусо-маньчжурский язык и проявив в нем свою ААБ с характерным для нее признаком фарингализации гласных. Часть эвенов включилась в *корякский этнос*, сохранив фарингализацию, другая часть, мигрировав в северо-восточную Якутию, растворилась в большом этническом субстрате *юкагирского* типа, который принял

принесенный эвенский язык, но не усвоил чуждую его артикуляционной базе фарингализацию.

Начиная с 1996 г., фонетисты Сибири выполняют свои исследования при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Комиссии по работе с молодежью Российской академии наук; эта помощь позволила коллективу исследователей, сформировавшемуся в единую фонетическую школу, не только сохраниться в сложнейших условиях, но и продолжить изучение звуковых систем языков коренных народов Сибири, многим из которых грозит вполне реальная перспектива исчезновения.

ЛЭФИ остается одной из немногих лабораторий, сумевших сохранить в качестве методологической базы комплексное использование артикуляторных и акустических методов изучения звуков речи, отдавая, тем не менее, приоритет изучению физиологии речи. Как показала практика, необоснованная переориентация в 60-е годы большинства лабораторий мира на акустическую фонетику не принесла ожидаемых результатов в поисках акустических коррелятов фонемы; традиции же артикуляторной фонетики были утрачены. В то же время, именно артикуляторные параметры положены в основу большинства наиболее адекватных научных классификаций звуков в языках мира. Учитывая сложность языковой ситуации и перспективу утраты возможности научного описания звуковых систем — в особенности в артикуляторном аспекте, ЛЭФИ продолжила не только всестороннее изучение фонетики языков миноритарных народов Сибири, но и работу по совершенствованию традиционных соматических методов исследования с использованием новейших технологий и материалов.

В своих исследованиях фонетисты Сибири уделяют пристальное внимание языковой субстанции, тончайшим нюансам звуковой ткани языка, что обуславливает непредвзятость подхода к фонологической интерпретации фонических фактов, позволяет выявить четкие алгоритмы функционирования звуковых единиц в речи и показать строгую детерминированность звуковых процессов, опровергая при этом сложившееся в тюркологии представление о случайности, хаотичности, спонтанности фонетических явлений.

Продолжая развивать концепцию о возможности использования данных экспериментальной фонетики для реконструкции истории языков и этнических групп, фонетисты Сибири получили новые теоретические результаты, позволяющие внести коррективы в типологическую классификацию вокальных и консонантных систем.

В 1996–98 г. в ЛЭФИ разрабатывалась тема «Структурно-таксономическое описание вокализма в языках Южной Сибири (по экспериментальным данным)», по которой был получен грант РГНФ. Цель проекта — описание вокализма в звуковых системах южно-сибирских языков, выявление общего и специфического в артикуляционно-акустических базах их носителей на основе сопоставительно-типологического анализа конститутивно-дифференциальных признаков, структурирующих системы гласных фонем. В проекте участвовали: И.Я. Селютина (руководитель проекта; ИФЛ СО РАН), М.Ч. Чумакаева (Горно-Алтайский государственный университет), В.Н. Кокорин (Барнаульский государственный педагогический университет), Г.В. Кыштымова (Абаканский государственный университет им. Н.Ф. Катанова), Н.С. Уртегешев (ИФЛ СО РАН), Б.Б. Феер (Томский государственный педагогический университет), Г.Г. Куркина (Новосибирский государственный университет).

В результате работы по гранту описаны доминантные признаки вокализма языков Южной Сибири: тюркских — хакасского (сагайского и качинского диалектов), североалтайских — кумандинского и чалканского; обско-угорского (казымские ханты); енисейского — кетского языка (пакулихинский говор) [Селютина, Кокорин, Кыштымова и др., 1998]. Проведенное исследование позволило выявить

инвентари гласных фонем и конститутивно-дифференциальные признаки, структурирующие вокальные подсистемы, определить структурно-функциональные типы этих субсистем, описать специфику артикуляционно-акустических баз рассматриваемых языков в области вокализма, представить материал для построения типологической классификации вокализма в языках Сибири и сопредельных регионов.

Сопоставление объективных данных свидетельствует о существовании типологической общности вокализма ряда рассматриваемых в рамках проекта языков Южной Сибири: тюркских – сагайского и качинского диалектов хакасского языка, кумандинского и чалканского диалектов алтайского языка, с одной стороны, и обско-угорского – хантыйского, с другой стороны, при наличии между ними определенных различий.

Общим для их ААБ является *слабая* мускульная *напряженность* артикулирующих органов при продуцировании вокальных настроек; сходны *инвентари фонем* – в хантыйском выделяется 8 гласных полного образования, в принципе соответствующих классической тюркской «восьмерке» гласных, за исключением тюркского твердоядного узкого неогубленного гласного типа ʉ, которому в хантыйском соответствует центральнозаднерядный широкий неогубленный ɑ. Корреляция в хантыйском четырех центральнозадних («твердых») гласных четырьмя передним и центральным («мягким») гласным фактически соответствует выделению в тюркских языках четырех твердоядных и четырех мягкорядных гласных, но функционально эти соответствия различны: в тюркских языках противопоставление двух рядов гласных релевантно с точки зрения палатальной гармонии гласных. Структурирующим признаком систем является также *количество*, но в тюркских языках восемью кратким гласным соответствуют долгие корреляты того же качества, в хантыйском же гласные, противопоставленные по темпоральности, различаются также качественно.

Типологическая общность языков проявляется и в преобладании в инвентаре фонем *центральнозаднерядных* вокальных настроек; в наличии характерных *центральнорядных* артикуляций; в определенной тенденции к нивелировке различий вокальных настроек по артикуляторной рядности, проявляющейся в отодвинутости переднерядных артикуляций и в выдвинутости центральнозаднерядных настроек. Симметрично и построение рассматриваемых систем – хантыйской и алтае-саянских тюркских – по признаку *лабиализации*: они репрезентируются четырьмя огубленными (в тюркских – восемью: четырьмя краткими и четырьмя долгими) и четырьмя неогубленными (в тюркских – восемью); при этом в подсистемах «мягких» гласных переднерядные являются неогубленными, а переднерядные маркируются лабиализацией. *Назализация* во всех рассматриваемых языках – позиционно-комбинаторная; реализуясь в ауслауте независимо от фонетического контекста, свидетельствует о слабой напряженности как артикуляционно-базовом признаке.

Хантыйский вокализм субстанционально более четкий, симметричный; тюркские же системы при их функциональной рациональности материально асимметричны – возможно, это результат наложения тюркской суперстратной системы со свойственной ей гармонией гласных на угро-самодийскую субстратную: усвоив навязанные функциональные особенности тюркской фонетической системы, этнос сохранил субстратные субстанциональные свойства вокалических единиц.

Выявленные особенности артикуляторно-акустических баз алтае-саянских тюркоязычных этнических групп в области вокализма демонстрируют существенный *сдвиг* исследуемых систем относительно тюркского вокализма *уйгуро-огузского типа*, четко структурируемого в соответствии с основной его функцией

обслуживания потребностей сингармонизма по ряду (передний – задний), подъему (узкий – широкий), огублению (неогубленный – огубленный). На первом этапе тюркизации субстратного населения *бинарные* оппозиции языка-донора по ряду и подъему трансформировались в фонетической системе языка-реципиента в нечетко выраженную *триаду* оппозиций: передний – центральный – центральнозадний, узкий – полуширокий – широкий. *Перестройка систем гласных*, различные этапы которой зафиксированы на современном синхронном срезе тюркских языков Южной Сибири, обусловлена *конфликтом* между ААБ языка-субстрата угро-самодийского типа и навязанной языку системой функций, выполняемых вокализмом в языке-суперстрате. Попытка языка-основы приспособить вокализм к чуждой для него сингармонической системе детерминировала тенденцию к нивелировке релевантных признаков фонем, к так называемому «нарушению» палатальной (прежде всего, мягкорядной) гармонии гласных [Selyutina, 2000, p. 27–32], к появлению третьего сингармонического ряда [Нейтрального, к многочисленным «нарушениям» лабиальной гармонии гласных.

Последовавшая затем *кыпчакизация* языков Южной Сибири привела к дальнейшему сдвигу фонетической системы. Под воздействием кыпчакского суперстрата с его развитой подсистемой *центральнорядных* гласных, соответствующих, как показывают наши исследования, уйгуро-огузским переднерядным, получили развитие некоторые субстратные закономерности *комбинаторики*, в соответствии с которыми переднеязычные согласные в препозиции к переднерядным узким неогубленным гласным выбирали оттенки *ɪ, ɛ*, отодвинутые назад и расширенные по сравнению с гласными того же переднего ряда *i, e*, имеющими в препозиции непреднеязычные (губные, среднеязычные, заднеязычные) согласные [Куркина, 2000, с. 18–22]. Развитая подсистема кыпчакских центральнорядных гласных в функции мягкорядных стимулировала *сдвиг* в определенных позиционно-комбинаторных условиях отодвинутых назад оттенков *переднерядных* фонем [i] и [e] в *центральный* артикуляторный ряд, представленный в языке-субстрате лишь огубленными гласными фонемами [ɤ] и [ɔ].

В дальнейшем этот процесс дал различные рефлексy в тюркских языках Южной Сибири [ɤ] хакасском переднерядный *u* [i] и центральнорядный *i* [g] получили фонематический статус, в северных диалектах Алтая и в шорском эти пристройки являются комбинаторными вариантами одной фонемы; в южных же диалектах Алтая сохранились комбинаторные закономерности языка-основы, гласные центрального ряда появляются лишь факультативно, оставаясь на периферии системы [Шалданова, 2000; 2001]. С другой стороны, рассматриваемые особенности аккомодации гласных и согласных получили тотальное развитие во всем ареале южносибирских тюркских языков, охватив не только неогубленный, но и огубленный мягкорядный вокализм и обусловив два ряда корреляций в пределах мягкорядных словоформ: среднеязычный консонант + переднерядный гласный / непреднеязычный консонант + непреднерядный (центральнорядный, центральнозаднерядный выдвинутый, смешаннорядный) гласный.

В свою очередь, фонические и фонологические преобразования привели к перестройке *системы сингармонизма*, то есть системы алгоритмов организации звуковых оболочек монотематических словоформ, ассимилятивных и аккомодационных закономерностей: в тюркских языках Южной Сибири фиксируются различные модификации *ступенчатого сингармонизма* с функционированием уже не двух, а *трех палатальных рядов*: *мягкий*, обслуживаемый переднерядными и цен-

тральнорядными (либо центральнозаднерядными сильновыдвинутыми) или только переднерядными гласными различной степени отодвинутости; *твердый* сингармонический ряд, реализующийся в различных языках в центральнозаднерядных или заднерядных артикуляциях; *нейтральный*, манифестируемый смешаннорядными гласными как в аффиксах слов с мягкорядными, так и в аффиксах словоформ с твердорядными основами. Аккомодационные процессы реализуются в пределах *слога*, а не слова [Селютина, 1999, с. 58-62]. Такой взгляд на природу ассимилятивных процессов в слове предлагается впервые, он требует проведения аналогичных исследований по другим тюркским языкам. Параллели с монгольским сингармонизмом можно трактовать скорее как явление ареального характера, нежели как результат прямого влияния монгольского языка на алтае-саянские тюркские языки.

В описываемом явлении следует искать причину так называемых «нарушений» сингармонизма в хакасском, шорском, кумандинском языках, где мягкорядные с точки зрения сингармонизма единицы, реализуясь не в переднерядных, а в значительно более задних центральнорядных (или центральнозаднерядных, комбинированных переднерядно-центральнозаднерядных) гласных, воспринимаются исследователями – в том числе и носителями рассматриваемых языков – как «твердые» вопреки канонам сингармонизма. По-видимому, аналогичные процессы происходят и в тюркских языках несибирского региона. В частности, отмечаемые в крымчакском языке случаи так называемого нарушения палатальной гармонии гласных (функционирование гласного *ы* в словоформах с мягкорядной вокальной осью: *сыздэ* ‘у вас’; появление в первых слогах на месте *о* и *у* более задних вариантов, что, по мнению Э.Р. Тенишева, отражается в непоследовательном орфографировании (*о*/*о*, *у*/*у*) некоторых грамматических форм [Реби, Ачкинази и др., 1997, с. 310; см. примечание отв. редактора]), могут рассматриваться как реализация особенностей проявления мягкорядной гармонии гласных в тюркских языках.

В специфике кыпчакских центральнорядных артикуляций, возможно, кроются истоки «перебоя», «перелома» гласных, свойственного хакасскому, кумандинскому, шорскому, языку барабинских татар, а также башкирскому и татарскому. Рассматриваемое явление заключается в переходе широких древнетюркских гласных в узкие и в расширении узких до полушироких; при этом в южно-сибирских тюркских языках изменение подъема сопровождается изменением артикуляторной рядности. Не случайно «перелом» гласных фиксируется в тех тюркских языках (татарский, башкирский, барабинско-татарский, языки алтае-саянского региона) [Богородицкий, 1928, с. 115; Гарипов, 1979; Дмитриев, 1948, с. 27; Киекбаев, 1956; Тумашева, 1968, с. 22; 1989; Дмитриева, 1997, с. 200; Исаков, 1956, с. 15; Кыштымова, 1990; 2001; Селютина, 1995; Сравнительно-историческая грамматика, 1984, с. 106–169], в антропогенезе носителей которых обнаруживается *финно-угорский субстрат* либо тесное разновременное и разнохарактерное контактирование с племенами этого типа. Целый ряд общих закономерностей, выявленных на материале южносибирских языков, имеет продолжение за пределами сибирских тюркских языков; эти закономерности представлены в языках волжско-камского региона, а также в ряде среднеазиатских тюркских языков, что хорошо накладывается на историческую картину распространения кыпчаков в относительно поздний период и вытеснения ими других – тюркских и нетюркских языков на этих территориях.

Причинами субстратного характера может объясняться и «недоукомплектованность» подсистем долгого узкого вокализма в рассматриваемых тюркских языках Южной Сибири: языку-основе были свойственны лишь широкие долгие гласные.

Что касается *кетского* влияния на южно-сибирские тюркские языки, его

можно предположить в факультативной тюркской фарингализации и ларингализации, которые могут быть отголоском столь развитого в кетском языке явления, детерминирующего специфику кетского вокализма [Феер, 1998].

Более отчетливые следы кетского влияния следует искать в *тувинском* языке [Вернер, 1972], где наряду с классом «чистых» – кратких и долгих гласных фонем выделяется класс фарингализованных единиц того же качества, что и «чистые». При рассмотрении вопроса об акустических коррелятах тувинских фарингализованных гласных установлено (на материале Каа-Хемского говора), что способ распределения интенсивности в пределах фонации гласного обусловлен, в отличие от кетского языка, консонантным окружением. В то же время, экспериментальные данные позволяют сделать вывод о релевантности для тувинских фарингализованных гласных трехступенчатого контура частоты основного тона (ЧОТ) – резко-нисходящий, плавнонисходящий, резковосходящий [Дамбыра, 2000 б; 2001 а]. При этом в тувинских моносиллабах и в первых слогах полисиллабов фарингализованные гласные напоминают кетские конечнотолчковые, в непервых слогах полисиллабов – кетские однофазовые равномернофарингализованные [Дамбыра, 2001 а].

Характерной особенностью тувинского языка является функционирование в пределах монотематических лексем алгоритмов *фарингальной гармонии гласных* – наряду с типичной для многих тюркских языков палатальной и лабиальной гармонией [Бичелдей, 1985; 2001]. Исследования, проведенные в ЛЭФИ в последние годы, указывают на более широкий спектр действия отмеченной закономерности: признак фарингализованности / нефарингализованности распространяется не только на вокальную, но и на консонантную ось тувинской словоформы, то есть, следует говорить о законах *сингармонизма*, включающих не только ассимилятивные, но и аккомодационные процессы.

Наличие фарингализованных гласных фонем во многом определяет специфику фонологической системы тувинского языка и является живым продуктивным явлением, охватывающим не только тюрко-монгольскую лексику, но и русские заимствования [Дамбыра, 2000 а]. Этот факт не согласуется с мнением А.М. Щербака о том, что позднее заимствование слова является ограничением для фарингализации [Щербак, 1970, с. 44]. Проблемы фонетического освоения русских заимствований в тувинском языке подробно освещены Б.И. Татаринцевым [Татаринцев, 1974], но вопросы фарингализации он не затрагивает. Вместе с тем, изучение условий и особенностей реализации фарингализации в русизмах может способствовать пониманию природы этого явления и в исконно тувинской лексике.

Изучение материала свидетельствует о том, что *фарингализация русских заимствований* начинается с ударных слогов прототипа: агент «ае- **аа**», агитпункт

«aitpu- **аа**», скрипка «skri- **аа**», статистика «stati- **аа**». При этом в соответствии с законами тувинской гармонии гласные постударных слогов заимствуемой основы (штaketник «**аа**- **аа**», социолог «**со**tsio- **аа**», экзаменатор «ekzameni- **аа**») и гласные наращиваемых к основе тувинских постфиксов (студентилерден «stude- **аа**ilerden», аппараттардан «ap:ara- **аа**rdan», агентилеривистин

«ае- **аа**ilerivisti**аа**») также фарингализуются, хотя степень фарингализации последовательно ослабевает к концу словоформы и меняется ее качество: нисходяще-восходящее движение тона на ударном слоге (прототипа) сменяется ровным на постударных силабах. Таким образом, в отличие от полностью фарингализован-

ных тюрко-монгольских лексем, в русских заимствованиях фарингализуется лишь правая часть словоформы, начинающаяся с ударного слога.

Установлено, что фарингализации подвергаются *все русизмы*, независимо от фонетического контекста; исключения составляют однослоги, не имеющие в своей звуковой оболочке консонантных сочетаний: лак «la:q», май «ma:j» (но: метр «me- ɛ»), а также неударные слоги с ударением на 1-м слоге: адрес «a:dres»,

мыло «mь:lo» – в них фарингализации не происходит. Иными словами, безударность 1-го слога русского прототипа – непереносимое условие фарингализации, ударность 1-го слога – запрет на фарингализацию; в подтверждение можно привести слова очник и заочник: слово очник «o:ʒɔnik» с ударением на 1-м слоге –

нефарингализованное, заочник «zao- ɛnik» с ударением не на 1-м слоге – фарингализованное (начиная с ударного слога) [Дамбыра, 2000 а; 2001 б].

Выявленные закономерности позволяют предположить, что носителями тувинского языка русские ударные гласные, более напряженные и длительные сравнительно с безударными, а также имеющие нисходяще-восходящее движение ЧОТ [Бондарко, 1965, с. 43–46], воспринимаются как близкие по своей акустической природе к тувинским фарингализованным гласным, что и является причиной освоения русизмов со своеобразным преломлением закономерностей тувинского сингармонизма по фарингализации.

Поскольку в тюркологической литературе наиболее распространенной является точка зрения, в соответствии с которой *происхождение фарингализации* гласных связывается с изменением качества неначальных согласных – утратой ими сильной напряженности [Иллич-Свитыч, 1963, с. 55; Хисамитдинова, 1986; Наделяев, 1989, с. 6; и др.] или с аспирацией [Щербак, 1970, с. 47; Татаринцев, 1976, с. 92; 1986; Dwyer, 2000], одной из целей эксперимента ставилось определение (на материале Каа-Хемского и Сүт-Хельского говоров) количественных и качественных характеристик кратких, долгих и фарингализованных гласных в корреляции с длительностью и качеством поствокальных консонантов. Результаты компьютерной обработки моносиллабов-квазимонимов, различающихся качественно-количественными параметрами гласных (краткий / долгий / фарингализованный), свидетельствуют о том, что в словоформах с кратким гласным смычный финальный согласный – сильный взрывной сильнопридыхательный; в словах с долгим гласным смычный финальный согласный – слабый с очень слабым взрывом, с тенденцией к имплозивности; в словах с фарингализованным гласным смычный финальный согласный, как правило, слабый имплозивный. Таким образом, в моносиллабах краткие гласные коррелируют с сильными финальными согласными, долгие – со слабыми, фарингализованные – со слабыми имплозивными. Наличие корреляции между качеством гласного и согласного позволяет отнести Сүт-Хельский и Каа-Хемский говоры к уйгуро-уряньхайской группе байкало-саянского подсоюза циркумбайкальского языкового союза [Широбокова, 2000, с. 23].

Как отмечает О.С. Ахманова, имплозивный ɛ это ненапряженный смычный согласный, артикуляция которого ограничивается экскурсией; при этом в качестве примера она приводит конечные согласные в древнеанглийском и древнефранцузском языках в стадии, предшествующей их отпадению [Ахманова, 1966, с. 174]. Полученные материалы по тувинскому языку могли бы быть подтверждением указанной выше гипотезы о генезисе фарингализации, но функционирование сильных придыхательных согласных в ауслауте основ с краткими гласными вступает с ней

в противоречие.

В отличие от тувинского языка, где фарингализация гласных является фонематическим признаком, в *тофском* языке – в силу особенностей артикуляционно-акустической базы дотюркского субстрата – ослабления древнетюркских сильных согласных не произошло и обусловленная напряженностью преконсонантного гласного сохраняется в виде фарингализованности как аллофонный признак кратких гласных первого слога [Наделяев, 1969, с. 236; 1989, с. 6]. Другая точка зрения представлена в работах В.И. Рассадина, рассматривающего фарингализованные гласные в тофском (тофаларском) как самостоятельные фонемы [Рассадин, 1971, с. 20; 1997, с. 112].

Иная функция фарингализации выявлена в *туба-диалекте алтайского языка*, изучение вокализма которого позволило не только впервые констатировать наличие дополнительной работы фаринкса при артикулировании долгих гласных, но и определить фонематический характер этого явления: фарингализация трактуется как релевантный признак гласных, сопутствующий конститутивно-дифференциальным параметрам долготы / краткости [Сарбашева, 2002, с. 11]. Такая специфика реализации дополнительной работы глотки в диалекте туба-кижи вписывается в точку зрения А.А. Пальмбаха о том, что тувинские фарингализованные гласные «явились средним звеном в развитии так называемых заместительных (вторичных) долгот при переходе их в краткие гласные» [Пальмбах, 1955, с. 181].

Кроме того, на фоне других диалектов Алтая туба-диалект выделяется высокой частотностью *назализованных* артикуляций – гласных и согласных. По этим двум признакам туба-диалект обнаруживает сходство с тюркскими языками уйгуро-уряньхайской группы – тувинским, тофским, уйгуро-уряньхайским [Болд, 1975]. Структурные и функциональные характеристики звуковых подсистем туба-диалекта алтайского языка свидетельствуют о том, что диалект находится на стыке двух ветвей циркумбайкальского языкового союза [Наделяев, 1986 б] – алтае-саянской ветви (системная организация консонантизма по квантитету, утрата древнетюркского ɣ по южно-алтайскому типу [Широбокова, 2000, с. 5]) и саяно-байкальской ветви (фарингализация гласных, назализация гласных и щелевых согласных).

Дальнейшая разработка проблемы фарингализации гласных, предполагающая решение вопросов о генезисе этого явления, о сфере реализации фарингализованных гласных (только в моносиллабах и в первых слогах словоформ – тофский, башкирский языки, либо фарингализации подвергаются гласные всей словоформы – тувинский язык), о физиологической природе и акустических параметрах, о типах фарингализации и ее локализации [Мазепус, 1994], о фонематическом статусе и функциях, о глоточном сингармонизме и специфике его реализации, о сегментном или суперсегментном характере и т.д., – дальнейшее изучение указанных теоретических проблем требует расширения исследовательской базы эксперимента.

Еще в 1959 г. В.М. Наделяев выдвинул и научно обосновал гипотезу о функционировании в *тюркских* языках *четырёх типов систем* противопоставления *согласных фонем*: 1) сильные / слабые / сверхслабые; 2) глухие / звонкие / сонантные; 3) краткие / долгие / нейтральнодолготные; 4) шумные придыхательные / шумные непридыхательные / сонантные [Наделяев, 1961].

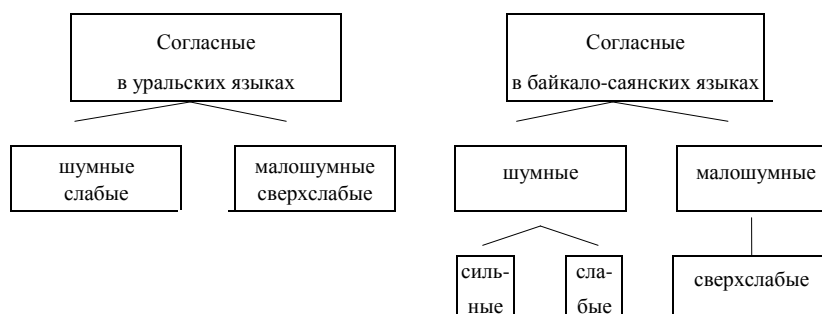
Проводившееся в ЛЭФИ в 1999–2001 г. при поддержке РГНФ исследование в рамках проекта «Системно-структурная организация консонантизма в языках Южной Сибири (по экспериментальным данным)» позволило не только развить это теоретическое положение, но и внести в него коррективы. В разработке темы

участвовали И.Я. Селютина (руководитель гранта), Н.А. Кирсанова (Мандрова) (Барнаульский государственный педагогический университет), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайский государственный университет), Н.С. Уртегешев (ИФЛ СО РАН), С.Ф. Сегленмей (Кызылский государственный университет), Л.А. Верте (Новосибирский государственный университет), В.Н. Оненко (ИФЛ СО РАН). Кроме того, в работе по данной проблематике принимали участие студенты Кафедры языков и фольклора народов Сибири гуманитарного факультета НГУ, поступившие после окончания университета в аспирантуру ИФЛ СО РАН или прикомандированные к ИФЛ: В.В. Субракова, И.Д. Дамбыра, С.В. Монгуш (Кечил-оол), А.А. Шалданова, Т.Р. Рыжикова.

Схема 1

Системы оппозиций согласных фонем в языках циркумбайкальского языкового союза

Оппозиция по степени напряженности

Оппозиция по длительности

Оппозиция по звонкости/глухости

Сопоставление результатов экспериментально-фонетического изучения языков народов Сибири и сопредельных регионов свидетельствует о функционировании в урало-алтайских языках *трех типов* консонантных фонологических систем (схема 1): 1) системы, структурируемые оппозицией *по степени напряженности* артикулирующих органов, представлены двумя подтипами: а) системы с *бинарной* оппозицией слабых и сверхслабых согласных (уральские угро-самодийские языки: энецкий, ненецкий, нганасанский, селькупский, хантыйский) и б) системы с *тройным* противопоставлением сильных, слабых и сверхслабых согласных (байкало-саянские тюркские и монгольские языки: тувинский, тофский, саларский, сарыг-югурский; халха-монгольский, калмыцкий); 2) системы, базирующиеся на противопоставлении *по количественному* признаку: краткие, долгие и долготнонеопределенные консонанты (тюркские языки алтае-саянского региона: алтайский литературный язык, теленгитский, бачатско-телеутский, кумандинский, чалканский

диалекты алтайского языка; сагайский диалект хакасского языка); 3) системы с оппозицией *по звонкости и глухости* (северо-сибирские тюркские языки: якутский, долганский; тунгусо-маньчжурские языки). Четвертый же тип консонантных систем, организованных противопоставлением по придыхательности, в языках Сибири – тюркских и нетюркских – не зафиксирован.

Релевантность *оппозиции согласных по длительности* в тюркских языках впервые была доказана М.Ч. Чумакаевой на материале алтайского литературного языка [Чумакаева, 1978]. Выполненный ею экспериментально-фонетический анализ показал, что консонантная система, включающая 17 алтайских согласных фонем, структурируется оппозицией по шумности / малошумности с последующим противопоставлением фонем по длительности. Такая трактовка материала, предложенная М.Ч. Чумакаевой, заставила тюркологов пересмотреть систему подходов к анализу и квалифицированию фонетических фактов. Позднее аналогичные системы согласных, в основу которых положены конститутивно-дифференциальные признаки краткости / долготы, были выявлены в бачатско-телеутском [Меркурьев, 1975], теленгитском [Машталир, 1985; (к сожалению, в указанной статье приводится только инвентарь согласных фонем, результаты анализа системных отношений излагались автором в докладах, но не были опубликованы)], кумандинском [Селютина, 1983], чалканском [Мандрова, 1982] диалектах алтайского языка, а также в сагайском диалекте хакасского языка [Чанков, 1957; Субракова, 2000] (в монографии Д.И. Чанкова согласные трактуются как противопоставленные по звонкости и глухости, но приведенные автором экспериментальные данные свидетельствуют в пользу количественности как системообразующего признака).

Новейшие инструментальные данные по консонантизму сагайского диалекта хакасского языка, полученные В.В. Субраковой, указывают на переходный характер системы: базируясь на фонематическом противопоставлении единиц по количественным параметрам, система использует характеристику по работе голосовых связок в качестве сопутствующего конститутивно-дифференциального признака; при этом оппозиция по длительности вытесняется в сагайско-хакасском оппозицией по глухости / звонкости – как по причинам имманентного характера, так и под влиянием русского языка [Субракова, 2000; Subrakova, 2002].

Выявленная специфика в организации систем согласных фонем трактуется как результат *ассимиляции* тюрками предшествующего нетюркского – угро-самодийского населения. Оппозиция согласных по шумности (слабости) / малошумности (сверхслабости) с последующим противопоставлением шумных по краткости / долготы есть результат наложения на угро-самодийскую субстратную систему с двойным противопоставлением согласных по слабости / сверхслабости тюркской суперстратной системы с тройной оппозицией сильных / слабых / сверхслабых консонантов: неприемлемая для коренного населения сильная артикуляция реализовалась как долгая.

Особого внимания заслуживает тот факт, что признак *долготности* последовательно структурирует фонологическую систему не только в области вокализма – для тюркских языков это в достаточной мере нашло отражение во многих работах при анализе процесса развития оппозиции долгих / недолгих гласных, – но признак долготности структурирует и систему консонантизма. То есть, типологически вся звуковая система языка – и вокализм, и консонантизм – организована при использовании одного базового признака. Этот феномен впервые получил столь полное отражение, его нельзя не учитывать в дальнейших типологических исследованиях как достаточно перспективный при постановке вопроса о структурирующем признаке звуковых систем сибирских языков различных семей.

Что касается консонантных систем, организованных в современных южно-сибирских тюркских языках *тройным* противопоставлением *по степени* артику-

ляторной *напряженности*, то такие системы функционируют в саянских тюркских языках – тувинском и тофском. Своеобразие фонетической системы тувинского языка, резко отличающегося от других тюркских языков, свидетельствует о том, что субстрат у современных тувинцев был явно не тюркский – фиксируемая на данном этапе развития языка система согласных не могла сложиться только на исконно тюркской основе. По гипотезе В.М. Наделяева, в основе современного тувинского языка лежит язык *чиков*, отюреченный (не ранее VII в. н.э.) уйгурским языком [Наделяев, 1986 в]. Но древние чики восприняли древний уйгурский язык через призму своей артикуляционно-акустической базы, для которой не были свойственны сильные согласные, скорее, у них были краткие и долгие консонанты. По В.М. Наделяеву, тувинские сильные анлаутные согласные – результат влияния уйгурского суперстрата; остальное своеобразие древнетюркского консонантизма трансформировалось: сильные согласные в конце и в середине слова реализовались как слабые. Это, в свою очередь, привело к перестройке системы вокализма к появлению специфических тувинских фарингализованных гласных.

Последовавшее столетие спустя кыргызская «кыпчакизация» охватила тувинскую грамматику, но лишь затронула фонетику уйгуро-огузского типа в преломлении артикуляционно-акустической базы древних чиков.

Однако проведенные в последние годы экспериментально-фонетические исследования тувинских диалектов и говоров с применением высокоточных компьютерных методик дают достаточно сложную картину фонетического ландшафта Тувы. В частности, материалы по Сүт-Хельскому говору центрального диалекта и по переходному Каа-Хемскому говору частично подтверждают предположение В.М. Наделяева, но имеют своеобразное преломление [Кечил-оол, 1999; Монгуш, 2001; Дамбыра, 2000 б; 2001 а]: сильные придыхательные согласные реализуются не только в анлауте, как в литературном языке, но и в других позициях, в том числе и в ауслаутной. При этом начало слова и слога маркируется придыхательностью (более выраженной в начале слова), а конец слова и слога – длительностью консонантов; придыхательность и длительность как бы находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, что не позволяет считать их фонематическими признаками. Исключением из этого правила является ауслаут нефарингализованных словоформ, не имеющих в своей звуковой оси долгих гласных – здесь длительность и придыхание сосуществуют. Что касается ауслаута фарингализованных словоформ и нефарингализованных словоформ с долгим гласным, то ауслаут маркируется только долготой, придыхательность здесь невозможна. Следовательно, в словоформах с более слабым вокализмом (нефарингализованным кратким) ауслаутный консонант придыхательный долгий, в словоформах с более сильным вокализмом (фарингализованным, а также нефарингализованным долгим) ауслаутный консонант непридыхательный долгий. Более того, в Сүт-Хельском, а также в Каа-Хемском [Дамбыра, 2000 б] говорах тувинского языка в словоформах с фарингализованным гласным финальный согласный обязательно имплозивный. (Можно отметить, что имплозивность ауслаутных согласных зафиксирована Я.Н. Поповой для лесного наречия ненецкого языка [Попова, 1978]). Таким образом, внутрисистемные отношения сближают Сүт-Хельский и Каа-Хемский говоры с близкородственным тувинскому тофским языком, где, в отличие от тувинского литературного языка, градуальная оппозиция по напряженности не ограничивается анлаутом [Наделяев, 1969; Рассадин, 1971].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что признак длительности согласных, упомянутый В.М. Наделяевым применительно к языку чиков, находит своеобразное преломление в Сүт-Хельском и Каа-Хемском говорах тувинского языка: длительностью маркируется конец тувинского слова и слога, она обуслов-

лена позиционно. Полученные выводы могут свидетельствовать о качественном своеобразии артикуляционно-акустических баз этнических групп тувинцев, причину которого следует искать в их историческом прошлом.

Можно высказать предположение о генетической близости субстрата современных этнических групп северных алтайцев, шорцев и хакасов, с одной стороны, и чиков – гипотетических предков тувинцев, с другой. Принципиальные же расхождения в преломлении древнетюркской фонологической системы можно объяснить более сильной кыпчакизацией 1-й группы языков и более сильной монголизацией тувинского языка, особенно если учесть, что некоторые группы монголов – тюрки по происхождению и их консонантные системы строятся на оппозиции по степени напряженности [Наделяев, 1981, с. 15].

Оппозиция по работе голосовых связок выступает в качестве системообразующей для консонантизма тунгусо-маньчжурских языков, а из тюркских — для якутского и долганского. Релевантность признаков глухость / звонкость в языках якутов [Дьячковский, 1977] и долган [Бельтюкова, 1979; 1983], вероятно, является результатом длительного контактирования предков современных якутов и долган с тунгусо-маньчжурскими этносами, подкрепленного затем влиянием русского языка.

Следует отметить, что в долганском консонантизме конститутивность и дифференциальность артикуляторно-акустических характеристик не имеют достаточной определенности. С одной стороны, в группе шумных согласных Н.П. Бельтюковой выявлена общая тенденция к противопоставлению их по признакам глухости и звонкости, с другой стороны, намечается общее стремление к оппозиции по параметрам длительности. Обе тенденции проводятся в долганском языке с некоторыми нарушениями: зоны разброса показателей квантитета по конкретным измерениям частично перекрывают друг друга равно как и зональное распределение параметров глухости / звонкости; однако средние относительные данные указывают на становление системы, организованной противопоставлением единиц по квантитету. Система носит переходный характер.

Функционирование в алтае-саянских языках консонантных систем, структурируемых оппозицией по длительности, сложившейся вследствие преломления субстратным *угро-самодийским* населением артикуляционно-акустической базы суперстрата, указывает на наличие в алтае-саянских этнических образованиях *древнетюркских* компонентов со свойственной их артикуляционно-акустическим базам тройной оппозицией сильных / слабых / сверхслабых консонантов. Тувинский и тофский консонантизм сохранил в различной степени особенности древнетюркской системы. Особенности ААБ, выявленные для шорского языка, указывают на кетский субстрат.

Вместе с тем, типичное для кыпчакско-тюркских языков позиционное удлинение широких гласных перед узкими, свойственное сибирскому региону, свидетельствует об участии в этногенезе наряду с угро-самодийскими и древнетюркскими *кыпчакско-тюркских* компонентов, указывая на сложное смешанное происхождение алтае-саянских народностей.

Северные и южные диалекты Алтая *различаются* в основном *субстанциональными* характеристиками своих артикуляционно-акустических баз; в организации *фонологических* систем этих групп диалектов больше *сходств*, нежели различий.

Фонические отличия северных и южных диалектов Алтая, а также других языков и диалектов Южной Сибири обусловлены, прежде всего, *разнокомпонентностью* общего субстрата угро-самодийского типа, представленного различными этническими группами – носителями близкородственных языков и диалектов, отличающихся своими артикуляционно-акустическими базами. Вместе с тем, общие признаки в структурно-таксономической организации вокальной и консо-

нантной фонологических систем северо-алтайских диалектов, хакасского и шорского языков, с одной стороны, и алтайского литературного языка и южных диалектов Алтая, с другой, указывают на наличие в генезисе носителей этих диалектов общих *суперстратов*, причем итоги трансформации консонантных систем свидетельствуют об уйгуро-огузском тюркском влиянии, процессы же, происходящие в вокалических системах, указывают на кыпчакско-тюркское воздействие.

Особенности функционирования фонологических систем позволяют соотнести тюркские языки Южной Сибири с различными классификационными группами *циркумбайкальского языкового союза*: специфика организации алтайского, шорского и хакасского консонантизма служит основанием для выделения этих языков в саяно-алтайский подсоюз; наличие в системе вокализма фарингализованных гласных (в тувинском языке – в фонологическом статусе, в тофском – в фоническом), позволяет отнести их к байкало-саянской ветви циркумбайкальского языкового союза.

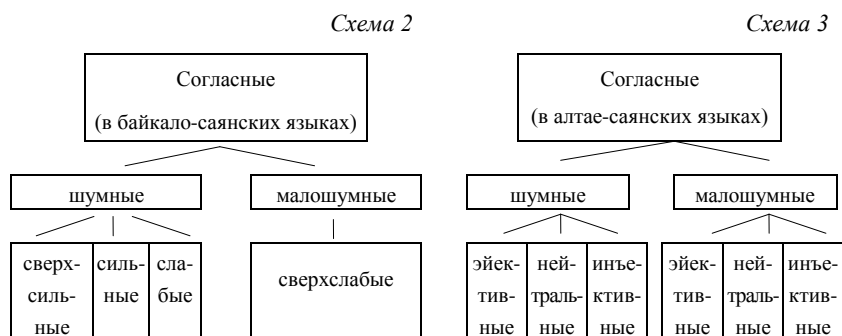
Полученные объективные экспериментально-фонетические данные дают богатейший материал не только для построения языковой ретроспективы, для выявления путей исторического развития этносов и их языков, но и позволяют внести коррективы в *типологическую классификацию* языков Сибири и сопредельных регионов.

Впервые на материале живого действующего Сүт-Хельского говора тувинского языка выявлены рефлексy *четверичной оппозиции* согласных по степени мускульной *напряженности* [Монгуш, 2001], что позволяет дополнить предложенную выше схему оппозиций и внести новый подтип в типологическую классификацию согласных (схема 2): к системам согласных, структурируемым оппозицией по степени напряженности (сильные / слабые / сверхслабые; слабые / сверхслабые), добавлен подтип, организуемый тетрархической оппозицией сверхсильных / сильных / слабых / сверхслабых единиц.

Изучение особенностей артикуляционно-акустической базы шорцев, носителей мрасского диалекта, и результаты проверки на релевантность количественно-качественных параметров шорских согласных свидетельствуют о функционировании на территории Южной Сибири консонантных систем, структурируемых тройной оппозицией по положению гортани: *эйективные / нейтральные / инъективные* артикуляции (схема 3). Это явление, впервые в сибиреведении описанное систематически Б.Б. Феером при изучении кетского вокализма [Феер, 1998, с. 108], зафиксировано Н.С. Уртегешевым при исследовании консонантизма в шорском языке [Уртегешев, 2001; 2002], для которого со значительной долей вероятности предполагается кетский субстрат. Такая трактовка фонетического материала позволяет ввести в типологическую классификацию новый, не рассматривавшийся ранее на материале языков народов Сибири тип консонантизма, построенный по параметрам работы *гортани и языка*: *эйективные / нейтральные / инъективные* согласные.

Предварительные результаты исследования языка барабинских татар [Рыжикова, 2001; Ryzhikova, 2002] свидетельствуют о том, что подсистема барабинско-татарских шумных согласных также структурируется тройной оппозицией, природа которой будет выясняться в дальнейшем экспериментально-фонетическими методами.

Приведенные факты позволяют утверждать, что современные тюркские языки и диалекты Южной Сибири сохранили отчетливые рефлексy более древней пратюркской системы с тройной оппозицией в классе шумных согласных [Широбокова, 2000, с. 6], получившей различную трансформацию в процессе исторического контактирования этносов с различными артикуляторно-акустическими базами.

Границы фонических и фонологических процессов могут не совпадать с границами языков и даже языковых групп: вовлекая в преобразования какие-то части различных языковых семей, фонетические трансформации приобретают ареальный характер, вследствие чего различия между генетически родственными языками могут оказаться значительнее, нежели между языками, не имеющими общего корня, но входящими в один языковой союз (подсоюз).

Применение методики проведения сопоставительно-типологических исследований с использованием данных экспериментальной фонетики в качестве историко-лингвистического источника позволяет проникнуть на ту глубину исторических преобразований, задать тот хронологический уровень анализа, который был недоступен в связи с отсутствием письменных памятников на территории Южной Сибири. Выявление ареалов распространения базовых фонологических признаков, по-разному структурирующих территорию Сибири и – шире – северо-восточной Азии, возможно, позволит исследователям установить основные языковые типы, характеризующиеся различными наборами доминантных фонетических признаков.

Литература

- Атлас звуков бурятского языка. Улан-Удэ, 1975.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Бельтюкова Н.П. Консонантизм долганского языка (экспериментальное исследование). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1979.
- Бельтюкова Н.П. О соотношении глухости-звонкости в долганском языке // Сибирский фонетический сборник. Новосибирск, 1983. С. 55-58.
- Бирюкович Р.М. Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979.
- Биткеев П.Ц. Калмыцкий и ойратский вокализм (на материале экспериментально-фонетических исследований и старописьменных данных). М., 1980.
- Бичелдей К.А. Вокализм современного тувинского языка (экспериментально-фонетическое исследование). Алма-Ата, 1985.
- Бичелдей К.А. Фарингализация в тувинском языке. Москва, 2001.
- Богородицкий В.А. О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте // Вестник научного общества татароведения. Казань, 1928, № 8.
- Болд Л. Уйгар-урианхай хэлний эгшиг авиа // Хэл зохиал судлал, XI боть, 1-24 дэвтэр. Улаанбаатар, 1975. С. 142-143.
- Бондарко Л.В. Осциллографический анализ речи. Л., 1965.
- Вернер Г.К. Проблема происхождения фарингализации в тувинском и тофаларском языках // Советская тюркология, 1972, № 5. С. 17-24.
- Гаврилин Н.В. Система гласных фонем в языке бачатских телеутов (по экспериментальным данным). Алма-Ата, 1987.
- Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и

диахронической характеристики. М., 1979.

Гулимова Г.В. Настройки гласных полигусовского говора эвенкийского языка (по данным рентгенографирования) // Экспериментальная фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1982. С. 96-132.

Дамбыра И.Д. Фарингализация гласных в русских заимствованиях в тувинском языке (на материале Каа-Хемского говора) // Вторая зимняя типологическая школа «Универсалии в культуре и языке», тезисы. М., 2000 а. С. 118-120.

Дамбыра И.Д. Корреляция звуков в тувинских моносyllабах (на материале Каа-Хемского говора) // Материалы XXXVIII Международной конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 2000 б. С. 53-55.

Дамбыра И.Д. Вокализм Каа-Хемского говора тувинского языка // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Новосибирск, 2001 а. С. 82-87.

Дамбыра И.Д. Фарингализация гласных в русских заимствованиях в тувинском языке (на материале Каа-Хемского говора) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9. Фонологические системы. Новосибирск, 2001 б. С. 181-194.

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.

Дмитриева Л.В. Барабинских татар язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек, 1997. С. 199-205.

Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Часть II. Консонантизм. Якутск, 1977.

Ибрагимов М.П. Гласные фонемы в восточном говоре восточного наречия турецкого языка // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1991. С. 49-84.

Иллич-Свитыч В.М. Алтайские дентальные: t, d, ʒ // Вопросы языкознания, 1963, № 6, с. 37-56.

Исхаков Ф.Г. Хакасский язык. Краткий очерк по фонетике. Абакан, 1956.

Кечил-оол С.В. Дистрибуция тувинских шумных щелевых согласных (Сүт-Хэльский говор центрального диалекта) // Материалы XXXVII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 1999. С. 92-94.

Киекбаев Д.Г. О передвижении гласных в башкирском языке // Ученые записки Башкирского гос. педагогического института. Вып. VIII. Серия филологическая. Уфа, 1956. С. 221-229.

Кокорин В.Н. Вокализм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1982.

Куркина Г.Г. Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982.

Куркина Г.Г. Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск, 2000.

Кыштымова Г.В. Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1990.

Кыштымова Г.В. Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 2001.

Мазепус В.В. Темброво-высотные инварианты теленгитского кая // Мелодии хоомея. Кызыл, 1994. С. 65-66.

Мандрова Н.А. Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1982.

Машталир С.И. Артикуляционные настройки гласных теленгитского диалек-

та алтайского языка по данным статического рентгенографирования // Сибирский фонетический сборник. Новосибирск, 1983. С. 121-127.

Машталир С.И. Состав гласных фонем в теленгитском диалекте алтайского языка // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 74-78.

Машталир С.И. Инвентарь согласных фонем языка теленгитов // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 69-79.

Меркурьев К.В. Бачатско-телеутский консонантизм. Авторф. ... канд. дис. Новосибирск, 1975.

Монгуш С.В. Шумные смычные согласные фонемы Сүт-Хөлского говора тувинского языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9. Фонологические системы. Новосибирск, 2001. С. 127-149.

Наделяев В.М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Вестник ЛГУ, 1957, № 8. С. 123-131.

Наделяев В.М. (Выступление на координационном совещании) // Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Стенограмма координационного совещания по вопросам методов изучения истории тюркских языков, состоявшегося в Ашхабаде 19-22 октября 1959 г. Ашхабад, 1961. С. 193-197.

Наделяев В.М. Особенности звуковой системы языка тофов // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969. С. 235-236.

Наделяев В.М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3-91.

Наделяев В.М. Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири. История и перспективы. Новосибирск, 1981. С. 11-37.

Наделяев В.М. Палатографирование. Методические заметки // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 3-38.

Наделяев В.М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 3-24.

Наделяев В.М. К типологии артикуляционно-акустических баз // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986 а. С. 3-15.

Наделяев В.М. Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск, 1986 б. С. 3-4.

Наделяев В.М. У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1986 в. С. 53-63.

Наделяев В.М. Некоторые заметки по фонетике тюркских языков // Звуковые системы сибирских языков. Новосибирск, 1989. С. 3-10.

Наделяев В.М., Селютина И.Я. Пневмоосциллографирование (экспериментально-фонетический метод) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1991, с. 3-26 (депонирование).

Пальмбах А.А. Долгие и полудолгие гласные тувинского языка // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. М., 1955. С. 175-181.

Попова Я.Н. Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975.

Попова Я.Н. Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. М., 1978.

Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

Рассадин В.И. Тофалары и их язык (этнолингвистическая ситуация) // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. СПб., 1997. С. 106-119.

Реби Д.И., Ачкинази Б.М., Ачкинази И.В. Крымчакский язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек, 1997.

Рыжикова Т.Р. Инвентарь переднеязычных согласных фонем в языке барабинских татар // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9. Фонологические сис-

темы. Новосибирск, 2001. С. 112-120.

Сарбашева С.Б. Вокализм и консонантизм туба-диалекта алтайского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2002.

Селютина И.Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1983.

Селютина И.Я. Соответствия гласных по ряду и подъему в языке кумандинцев // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Филология, № 4. Новосибирск, 1995. С. 69-76.

Селютина И.Я. Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1998.

Селютина И.Я. Сингармонизм в мягкорядных словоформах в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Филология, № 4. Новосибирск, 1999. С. 58-62.

Селютина И.Я. Фонетика языка кумандинцев как историко-лингвистический источник. (Экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Якутск, 2000.

Селютина И.Я., Кокорин В.Н., Кыштымова Г.В., Куркина Г.Г., Феер Б.Б. Системы гласных фонем в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Филология, № 4. Новосибирск, 1998. С. 69-78.

Сравнительно-историческая грамматика – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.

Стариков В.С., Наделяев В.М. Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма // Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. М., 1964. С. 5-26.

Субракова В.В. Дифференциальные признаки шумных консонантов (на материале Нижне-Тейского говора хакасского языка) // Материалы XXXVIII Международной конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 2000. С. 52-53.

Сусеков В.А. Вокализм энецкого языка (Экспериментально-фонетическое исследование на материале диалекта бай). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978.

Тамбовцев Ю.А. Гласные мансийского языка по данным рентгенографирования (на материале среднесосьвинского говора) // Исследование звуковых систем сибирских языков. Новосибирск, 1980. С. 78-89.

Татаринцев Б.И. Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. Кызыл, 1974.

Татаринцев Б.И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1976.

Татаринцев Б.И. К вопросу о соответствиях типа «фарингализация – первичная долгота» // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986. С. 153-155.

Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. Казань, 1968.

Тумашева Д.Г. Перебой гласных и формирование вокализма кыпчакских языков // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. М., 1989. С. 5-18.

Туркин И.О. Артикуляционные характеристики юкагирских гласных (тундренный диалект) // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 79-96.

Уртегешев Н.С. Звуки шорского языка, обозначаемые графемами **п** и **б** (на материале мрасского диалекта) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9. Фонологич. системы. Новосибирск, 2001. С. 62-97.

Уртегешев Н.С. Шумный консонантизм шорского языка: к проблеме типологии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.

Феер Б.Б. Акустические характеристики гласных кетского языка по пневмо-

осциллограммам (пакулихинский говор). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.

Феер Б.Б. Акустические характеристики гласных кетского языка (пакулихинский говор). Новосибирск, 1998.

Хисамитдинова Ф.Г. О фарингализованном заднеязычном **а** в башкирском языке // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986. С. 46-49.

Чанков Д.И. Согласные хакасского языка (Опыт экспериментального исследования). Абакан, 1957.

Чумакаева М.Ч. Согласные алтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований). Горно-Алтайск, 1978.

Шалданова А.А. Состав гласных фонем в алтайском литературном языке // Вторая зимняя типологическая школа. Материалы Международной школы-семинара молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии. Москва, 31 января – 6 февраля 2000 г. М., 2000. С. 195-198.

Шалданова А.А. Проблемы и некоторые результаты изучения алтайского вокализма // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9. Фонологические системы. Новосибирск, 2001. С. 155-181.

Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Якутск, 2000.

Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Dambyra I.D. Correlation of sounds in Tuvan monosyllabic words // ICTL 2002. 11th International Conference on Turkish Linguistics. August 7-9, 2002. Abstracts. Gazimagusa – North Cyprus, 2002. P. 21-22.

Dwyer A. Consonantalization and Obfuscation // Turcologica 46. Studies on Turkish and Turkic Languages. Wiesbaden, 2000. P. 423-432.

Ryzhikova T.R. Noise front consonants in the language of Baraba Tatars // ICTL 2002. 11th International Conference on Turkish Linguistics. August 7-9, 2002. Abstracts. Gazimagusa – North Cyprus, 2002. P. 66-67.

Selyutina I. Palatal synharmonism in the Turkic languages of South Siberia // Turcologica 46. Studies on Turkish and Turkic Languages. Wiesbaden, 2000. P. 27-32.

Subrakova V.V. Constitutive-distinctive features of Khakas consonantism // ICTL 2002. 11th International Conference on Turkish Linguistics. August 7-9, 2002. Abstracts. Gazimagusa – North Cyprus, 2002. P. 88-89.